

Глава 13

Король Георг на Балтике

Петр стоял в окружении офицеров, когда ему сообщили о смерти его великого противника. Глаза царя наполнились слезами; он вытер их со словами: «Ах, брат Карл! Как мне тебя жаль!» – и распорядился о недельном трауре при русском дворе. В Швеции быстро решили вопрос престолонаследия. Будь жива старшая сестра Карла, Хедвига, герцогиня Голштинская, ему наследовала бы она, но Хедвига умерла в 1708 году и ее право перешло к ее сыну, молодому герцогу Карлу Фридриху, которому исполнилось восемнадцать к моменту смерти его дяди. Другой претенденткой была младшая сестра Карла, тридцатилетняя Ульрика Элеонора, жена герцога Гессенского Фридриха. Уже несколько лет, пока подрастал юный Карл Фридрих, обе партии враждовали, пытаясь упрочить свое положение на случай, если что-нибудь произойдет с Карлом.

Пока был жив король, он упорно отказывался сделать выбор между сестрой и племянником и провозгласить кого-то из них своим преемником. Конечно, он мог надеяться, что когда-нибудь и сам женится и произведет на свет наследника. Пока же он хотел сохранить любовь и поддержку как Ульрики, так и Карла Фридриха. Он держал молодого герцога подле себя и уделял особенное внимание его военному образованию. Он регулярно переписывался с Ульрикой и назначил ее мужа одним из главных своих советников и военачальников. Король считал, что впереди еще достаточно времени, чтобы сделать выбор, который болезненно омрачит отношения с одним из любимых родственников.

Фридрих Гессенский, муж Ульрики, смотрел на вещи гораздо прагматичнее. Перед норвежским походом он вручил своей жене список действий, которые ей надлежало предпринять в случае внезапной смерти короля: Ульрике следовало провозгласить себя королевой, короноваться и безжалостно арестовывать всякого, кто встанет у нее на пути. Его осмотрительность оказалась не напрасной. Карл Фридрих, как и сам Фридрих Гессенский, был с королем в Норвегии, когда прогремел роковой выстрел, так что Ульрика взошла на трон без помех. Поначалу молодой Карл Фридрих слишком горевал, чтобы бороться или хотя бы сожалеть о троне, а когда достаточно овладел собой, чтобы подумать о своем положении, было уже поздно. И тогда старший и более опытный Фридрих Гессенский легко убедил юношу, что его долг – верность тете Ульрике, ставшей королевой Швеции.

Смерть Карла внезапнее и сокрушительнее всего отразилась на судьбе Герца. Наутро после гибели короля Фридрих Гессенский послал двух офицеров арестовать барона «именем короля». Герц, который в этот же день вернулся с Аландских островов с последними новостями о ходе переговоров с русскими, был поражен и сразу же спросил: «А жив ли король?» Его бумаги и деньги были изъяты; из опасения, как бы он не наложил на себя руки, ему не давали ни ножа, ни вилки. Он провел ночь за чтением и написал краткое письмо родным, убеждая их в своей невиновности.

Все шесть недель, что Герц провел в заключении, тщательно подбирались такие статьи для обвинения его в государственных преступлениях, чтобы он не смог уйти от ответа. Его тюремщики боялись, что если он предстанет перед обычным судом как государственный изменник, то сможет добиться оправдания на том основании, что, не являясь подданным Швеции, он не может быть судим по шведским законам. И кроме того, Герц мог справедливо утверждать, что как слуга короля, а не государства, он действовал в полном соответствии с волей самого Карла. Он мог настаивать и на том, что не сделал ничего для собственной выгоды – не разбогател ни на грош.

И все же Швеция твердо решила уничтожить его. Для рассмотрения дела Герца назначили особую неофициальную комиссию. Его обвинили в преступлении, неизвестном дотоле шведскому законодательству, – он злодейски «отвратил покойного короля от любви к своему народу». Ему вменялось в вину злоупотребление доверием короля, которому он рекомендовал шаги, вредные для Швеции, например – продолжение войны. С самого начала Герц был обречен; напрасно он ссылаясь на неправомотность особой комиссии. Тот довод,

что он как иностранец пользуется неприкосновенностью, тоже был отвергнут. Его ходатайство о предоставлении адвоката отклонили за ненадобностью. Барону не позволили вызвать свидетелей в свою защиту или получить очную ставку со свидетелями обвинения. Ему не разрешили письменно изложить аргументы в свое оправдание и запрещали приносить записи в судебное заседание. На подготовку ответного слова Герцу предоставили всего один с половиной день, так что он успел прочитать лишь пятую часть показаний против него. Поэтому он с неизбежностью был признан виновным и единогласно приговорен к отсечению головы с захоронением тела под эшафотом – знак особого позора. Он встретил приговор хладнокровно, но просил избавить свои останки от посмертного унижения. Однако непреклонная Ульрика велела исполнить приговор до конца. Герц взойшел на эшафот мужественно и гордо и проговорил: «Вы, кровожадные шведы, получайте же голову, которой жаждали так долго!» Последние его слова, когда он положил голову на плаху, были: «Господи, вручаю тебе свою душу!» Голова его отлетела с первого удара, и тело зарыли на месте²².

Когда и Карл XII, и Герц так внезапно и трагически выпустили бразды правления шведским государством, многие и в Швеции, и в других странах, естественно, ожидали коренных перемен. Действительно, смерть короля привела к быстрому свертыванию Норвежской кампании и тех обширных военных предприятий на континенте, о которых, вероятно, мечтал Карл. Но как ни странно, недели и месяцы уходили, а окончание Северной войны как будто нисколько не приблизилось. По вступлении на трон новая королева, Ульрика Элеонора, написала Петру, что хочет мира. Царь отвечал, что хотя он и не отступится от прежнего требования сохранить Ливонию, но готов заплатить Швеции миллион рублей за отказ от этой провинции. Ульрика отклонила это предложение и выставила новые требования. Тут переговоры окончательно захлебнулись, и Брюс с Остерманом покинули Аландские острова.

Шведская монархия явно не спешила заключать мир, и за этим стояла растущая надежда на то, что, может быть, удастся дипломатическими средствами вернуть часть территорий, утраченных Швецией в войне. Сквозь густой покров тайны, почти непроницаемый для Петербурга, нарочно оставленного в неведении, начинали проступать контуры совершенно новой системы союзных отношений на Балтике. Герц стоял у истоков переговоров, и Карл их одобрял, но теперь, когда ни короля, ни дипломата не было в живых, дипломатическая игра продолжалась. И главную роль в ней играл твердолобый, упрямый немец, король Георг I Английский – храбрый, недоверчивый, некоторые говорили – глупый; но все знали, что однажды на что-либо решившись, этот человек ни перед чем не останавливался. Петр познакомился с ним двадцать лет назад, во времена Великого посольства, и еще несколько раз виделся с ним потом. Георг не слишком ему нравился, но не обращать на него внимания было нельзя. В последние годы Северной войны ключ к ее завершению держал – так, по крайней мере, тогда казалось – именно король Георг в своих короткопалых толстых руках.

* * *

Утром 29 сентября 1714 года над Темзой стоял такой густой туман, что новый английский король не мог подняться по реке, чтобы ступить на берег своей новой столицы. Вместо этого пришлось его кораблю вместе с эскортом из английских и голландских военных судов стать на якорь ниже Гринвича, и Георга на веслах переправили на берег сквозь непроглядную сырую мглу. Там его ожидали, стоя перед колоннадой величественного

²² У Герца было много общего с другим знаменитым международным авантюристом того времени, Паткулем. Оба были в Швеции иностранцами, отличались огромными дарованиями и рвались навстречу опасностям. В результате каждый сыграл заметную роль в истории своей эпохи. Они служили разным идеям: если Паткуль был закоренелым и ненавистным врагом Карла, то Герц был преданным министром и слугой этого короля. Но кончили они одинаково: приняли позорную смерть от шведского топора.

Королевского морского госпиталя, построенного Реном, все знатнейшие люди Англии – и виги, и тори, – разодетые в бархат и атлас. Король сошел с лодки и приветствовал своих подданных; церемония осложнялась тем обстоятельством, что монарх не говорил по-английски, а из его подданных мало кто знал немецкий. К герцогу Мальборо, униженному королевой Анной и ее министрами-тори, король постарался проявить особое благоволение. «Дорогой герцог, – сказал он на французском языке, знакомом также и Мальборо, – надеюсь, теперь ваши невзгоды позади».

Приглашать иностранного принца для вступления на английский престол становилось в Англии делом обычным. Всего за сто с небольшим лет это случилось трижды – ради сохранения протестантской религии на царствие были приглашены Яков I, Вильгельм III, а теперь и Георг I²³. Права Георга Людвиг на английский престол основывались на том, что его мать приходилась внучкой Якову I. Однако нельзя не отметить, что ехал он в Англию неохотно. Как ганноверский курфюрст он правил одним из самых сильных германских государств Священной Римской империи с богатыми сельскохозяйственными угодьями и развитым горным делом. Ганновер по площади и по населению составлял десятую часть Великобритании. Его армия закалилась в одиннадцатилетней войне с французами, а курфюрст выступал в роли одного из ведущих союзных военачальников наряду с герцогом Мальборо и принцем Евгением. Среди европейских держав Ганновер «весил» почти столько же, сколько Дания, Пруссия или Саксония. Это было процветающее, симпатичное, гордое маленькое государство.

Георг Людвиг согласился вступить на английский престол во многом по той же самой причине, что и принц Оранский двадцатью шестью годами раньше – чтобы при помощи Англии добиваться своих целей на континенте. Как курфюрст Ганноверский Георг Людвиг был в Европе фигурой значительной, но сан английского короля делал его одним из владык Европы, более могущественным, чем его сюзерен, австрийский император.

Через два дня после высадки в Гринвиче Георг торжественно въезжал в Лондон, и тут-то англичане получили первую возможность взглянуть на своего нового короля. Это был коротенький человечек пятидесяти четырех лет, с очень белой кожей и голубыми глазами навывкате, которые стали отличительной чертой его царственных потомков на протяжении последующих двух столетий. Георга воспитывали как солдата, и он стал пусть не блестящим, но храбрым и умелым военачальником. Привычки у него были армейские, вкусы простые и домашние. Новые подданные пришлись ему не по душе. В отличие от послушных немцев, англичане оказались заносчивыми, обидчивыми, все время норовили спорить и твердо держались убеждения, будто король должен делить власть с парламентом. При всяком удобном случае Георг уезжал в Ганновер, а уж попав туда, сидел там месяцами, к огорчению своих английских министров. Он демонстрировал откровенное пренебрежение к новым подданным, не потрудившись даже научиться их языку. Со своей стороны, и англичане не любили Георга и брюзжали по поводу его тупости и черствости, его министров-немцев и уродливых любовниц. Их устраивало в нем только одно – его религия, да и то он был лютеранин, а не англиканец.

В Лондоне король по возможности избегал церемоний. Он жил в двух комнатах, и ухаживали за ним двое турецких прислужников, взятых в плен в военных кампаниях, где он участвовал как имперский генерал. Больше всего он дорожил обществом своих двух любовниц-немок, из которых одна была высока, худа и костлява, а другая столь дородна, что лондонская толпа дала им прозвище «Слон и Ладыя». Георг был заядлым картежником и часто ходил в гости куда-нибудь, где мог поиграть в непринужденной обстановке с немногими своими закадычными друзьями. Король любил музыку и был восторженным почитателем Георга Фридриха Генделя, который и перебрался из Германии в Англию во многом по настоянию своего царственного патрона.

²³ Как выразился виконт Болинброк, «для Англии что католик на престоле, что турок – все едино».

Георг I ненавидел своего сына. Стоило появиться принцу Уэльскому, как его лицо багровело, а глаза бешено сверкали. Король не упускал случая задеть или унижить наследника резкими оскорбительными замечаниями. Такое отношение вызывало у принца ответные приступы ярости, но ему оставалось только ждать. Наконец король завладел детьми, принца, а ему самому запретил являться ко двору. Посредницей между этими непримиримыми врагами, отцом и сыном, выступала невестка короля, Каролина Аншпахская, принцесса Уэльская – голубоглазая красавица с льняными волосами и дивной фигурой, наделенная большим умом и житейской смекалкой. Именно такие женщины вызывали у короля неподдельное восхищение, и то обстоятельство, что она досталась ненавистному сыну, только усиливало его неприязнь к молодому человеку.

По вступлении на английский трон Георг I твердо вознамерился поставить всю мощь Англии на службу интересам Ганновера. Ему давно не давали покоя оказавшиеся в руках шведов Бремен и Верден, контролировавшие устья Эльбы и Везера, тем самым отрезая его владения в Ганновере от выхода к Северному морю. Теперь, когда шведская империя, казалось, была на краю гибели, он хотел примкнуть к победителям, чтобы участвовать в разделе добычи. Вот почему в 1715 году Ганновер – но не Англия – вступил в антишведскую коалицию. Как объяснял царю Петру эту запуганную ситуацию его посол в Копенгагене Василий Долгорукий, «хоть английский король и объявил войну шведам, но только как курфюрст Ганноверский, а английский флот вышел [в Балтийское море], только чтобы защищать своих купцов. Если шведский флот атакует российский флот вашего величества, не следует думать, что англичане вступят в борьбу со шведами».

Несмотря на это разъяснение, Петр, который годами добивался вступления и Ганновера, и Англии в войну со Швецией, был доволен. А когда он услышал, что британский адмирал сэр Джон Норрис прибыл на Балтику во главе восемнадцати линейных кораблей, охранявших 106 торговых судов, царь был от радости сам не свой. Во время первого захода Норриса в Ревель царь находился в Кронштадте, но, услышав о визите британца и о том, что Норрис снова собирается в Ревель, Петр поспешил туда с русской эскадрой. Вернувшись, адмирал застал там Петра с девятнадцатью русскими линейными кораблями. Норрис пробыл в Ревеле три недели, в течение которых офицеры обоих флотов задавали друг другу роскошные пиры. Екатерина и почти весь петровский двор находились там же, и Норрис угощал всех обедом на борту флагманского корабля. Во время этого визита Петр обследовал английские корабли от килей до стеньг, а Норрису разрешили свободно осматривать российские суда. Он видел три новых шестидесятипушечных корабля, построенных в Петербурге, о которых сказал, что они ни в чем не уступают лучшим судам британского флота того же класса, а красотой отделки их даже превосходят. В завершение визита Петр горячо уговаривал Норриса возглавить российский флот, и, хотя адмирал отказался, царь подарил гостю свой портрет в алмазах.

С тех пор каждое лето до смерти Карла XII (то есть в 1715, 1716, 1717 и 1718 годах) Норрис возвращался на Балтийское море с британской эскадрой и с прежним заданием: не ввязываться в бой со шведами, пока те не атакуют его корабли. В 1716 году эскадра Норриса входила в объединенный союзный флот, образованный для прикрытия высадки в Скании, и в этом случае при появлении шведского флота английская корабельная артиллерия должна была открыть огонь. Но шведские корабли в море не вышли, а в сентябре Петр отменил вторжение.

С точки зрения Лондона, со смертью Карла в ноябре 1718 года на Балтике возникла совершенно новая ситуация. До этого момента главной целью Георга было навсегда присоединить к Ганноверу Бремен и Верден, а британский кабинет министров заботила безопасность морской торговли и бесперебойное снабжение военного флота провиантом из прибалтийских областей. Обе стороны, кроме того, тревожились, как бы Карл не поддержал якобитское выступление в Англии против короля-ганноверца. Но Карл умер, все страхи рассеялись, и английский король с министрами уже иначе стали оценивать коренным образом переменившуюся обстановку в Северной Европе: Шведская империя пришла в

упадок и уступила свое место на Балтике набирающей мощь России.

Король Георг I задумал план, который в случае успеха принес бы выгоду и Англии, и Ганноверу. Согласно этому плану, Балтийское море стало бы совершенно безопасно для британской торговли, был бы обеспечен непрерывный, беспрепятственный приток провианта для флота, а обладание Бременом и Верденом было бы закреплено за Ганновером не просто по праву завоевателя, но как официальная уступка шведской короны. Георг задумал оставить Швеции достаточно сил, «чтобы царь не стал слишком могущественным на Балтике». Осуществление плана требовало полного пересмотра системы союзов на Балтике. В 1718 году Швеция одна противостояла мощному альянсу государств – России, Польши, Дании, Ганновера и Пруссии. Эту систему надо было в корне изменить. Для начала Швецию следовало склонить к примирению со всеми врагами по южному побережью Балтийского моря. Затем объединенная лига германских сил ополчится на царя и изгонит его с северных берегов. Заключение мира дорого обойдется Швеции: все ее владения в Германии поделят между собой Ганновер, Пруссия, Дания и Польша. Зато взамен эти государства сделаются союзниками Швеции и помогут ей вернуть все, что отнял у нее царь. Швеция получит обратно Ливонию, Эстонию и Финляндию, отказавшись лишь от Санкт-Петербурга, Нарвы и Кронштадта. Если Петр отвергнет эти условия, то его заставят принять другие, еще более суровые: он лишится всех завоеваний и к тому же вынужден будет отдать Польше Смоленск и Киев. В общем, Россия, которая добилась наибольших территориальных приобретений и была в этой войне бесспорным победителем, теперь окажется в проигрыше и еще сама же заплатит за мир. А Ганновер и Пруссия, вступившие в войну позже всех и почти не участвовавшие в боевых действиях, и станут настоящими победителями.

На начальном этапе план Георга I развивался успешно. Ловкими дипломатическими ходами союзников Петра сманивали одного за другим – подкупали или принуждали к сепаратному примирению со Швецией. Как и следовало ожидать, Ганновер возглавил этот парад. 20 ноября 1719 года Георг I в качестве курфюрста Ганноверского подписал по всей форме мирный договор со Швецией. По условиям договора, к Ганноверу навсегда отходили Бремен и Верден в обмен на миллион талеров. Через два месяца тот же Георг I в роли английского короля заключил союз со Швецией, по которому Англия обязывалась выплачивать шведам ежегодную субсидию в 300 000 талеров, пока продлится война с Россией, поддерживать их своим флотом и помочь добиться выгодного мира с Россией.

Прусский король Фридрих Вильгельм испытывал большую неловкость из-за предложений англичан, ведь он считал себя другом царя и совсем недавно, в августе 1718 года, заключил с Петром новый союз. Но перспектива навсегда заполучить для Пруссии порт Штеттин – выход к морю, вместе с куском шведской Померании, оказалась слишком сильным искушением и в конце концов решила дело. Для успокоения совести Фридрих Вильгельм не делал из переговоров ни малейшей тайны. Он во всех подробностях информировал русских о своих встречах с англичанами и старался убедить Головкина, а позже Толстого, которого Петр специально направил в Берлин, что новый договор не представляет угрозы для интересов России. После подписания прусско-шведского мирного договора 21 января 1720 года прусский король сделал письменное заявление, что никогда не посягнет на интересы или территории своего друга Петра²⁴.

²⁴ Мучения Фридриха Вильгельма из-за той ситуации, в которой он оказался, отразились во взволнованном меморандуме, написанном перед заключением договора: «Боже! И зачем только я пообещал заключить договор! Злой дух подтолкнул меня, не иначе. Теперь нам конец, чего и хотят мои так называемые друзья. Пусть Господь приберет меня к себе из этого мира зла, прежде чем я поставлю свою подпись, ибо здесь на земле ничего, кроме вероломства и обмана, нет. Я объясню Головкину, что мое двурушничество вынужденное. В моих интересах сохранять близость с царем, и если я дам ему денег, то получу столько войск, сколько захочу. Царь намерен заключить со мной как раз такое соглашение. С англичанами все – обман, точно так, как в 1715 г. они меня надули самым мошенническим образом. Я молю Господа не оставлять меня, если мне выпадет неблагоприятная роль: играть я ее буду против воли – эта роль не для порядочного человека». Король заканчивал тем, что затруднение, в которое он попал, должно «послужить уроком для моих преемников – опасаться заводить таких друзей, не следовать моим греховным и безбожным обязательствам, которыми я связал себя по

Данию склонили к миру со Швецией под совокупным воздействием английских денег и королевского флота. 19 октября 1719 года было подписано перемирие, а 3 июля 1720 года – шведско-датский мирный договор. Швеция обязывалась впредь платить пошлину за проход своих судов через пролив и не оказывать никакой поддержки герцогу Гольштейн-Готторпскому. И наконец, король Август, стоявший у истоков Северной войны и уговоривший царя выступить против шведов, подписал мирный договор со Швецией 27 декабря 1719 года. Никакие земли по договору не передавались, зато Август получил подтверждение своего королевского титула, тогда как Станиславу, другому претенденту на польский престол, предоставили скитаться по Европе и, если ему угодно, величать себя королем Станиславом.

России король Георг I и его английские министры объясняли, что все эти перемены – плоды усилий Британии добиться мира в Северной Европе. Но русских провести не удалось. Летом 1719 года царский посол в Лондоне Федор Веселовский посетил генерала лорда Джеймса Стенгопа, руководителя внешней политики британского правительства. Веселовский прямо предупредил Стенгопа, что всякое соглашение, даже оборонительного характера, между Англией и Швецией будет рассматриваться Россией как объявление войны. Стенгоп возражал, что России следовало бы ценить существенные услуги, оказанные Англией царю во время войны. «Какие именно услуги оказала Англия России в нынешней войне?» – парировал Веселовский. «Англия, – произнес Стенгоп, – не препятствовала царю сделать крупные завоевания и утвердиться на Балтике, а кроме того, посылала свой флот и поддерживала его начинания». На это Веселовский ответил: «Англия позволила его величеству совершить завоевания, потому что не имела средств ему воспрепятствовать, не желая, впрочем, и помогать ему. Обстоятельства принудили ее остаться нейтральной. Флот на Балтику она посылала для защиты собственной торговли и в помощь датскому королю, согласно договорным обязательствам перед ним».

Главным средством проведения новой антирусской политики Англии должно было стать присутствие сильного британского флота в балтийских водах. Командование возлагалось на того самого адмирала сэра Джона Норриса, который четыре года подряд приводил туда свою эскадру. Теперь адмиралу приказали поменять курс и бывших друзей считать врагами. Секретная инструкция Стенгопа предписывала ему предложить посредничество Великобритании воюющим сторонам – России и Швеции.

В июле 1719 года громадные корабли Норриса вошли проливами в Балтику, направились на северо-восток, к Стокгольму, вошли в архипелаг Скаргард и бросили якорь неподалеку от шведской столицы. Норрис сошел на берег с письмами к королеве, и 14 июля Ульрика уже обедала на борту английского флагмана. Здесь она и сообщила адмиралу, что Швеция принимает британское предложение.

Русские, конечно же, смотрели на появление британского флота подозрительно и с опаской. Когда англичане вошли в Балтику, Петр осведомился, каковы их цели, и потребовал, чтобы Норрис заверил его в отсутствии враждебных намерений – иначе английские корабли не подпустят к русским берегам. Цели англичан несколько прояснились с прибытием писем к царю от Норриса и лорда Картерета, посла в Стокгольме. В этих письмах англичане только что не приказывали царю помириться со Швецией и заявляли, что британский флот пришел на Балтику не только защищать купцов, но и «осуществлять посредничество». Брюс и Остерман, сочтя тон английского посла и адмирала «странным и оскорбительным», отказались передать письма царю, так как полагали, что по такому важному делу король Георг мог бы написать и сам. Прослышав об этих письмах, Петр вознегодовал. Он не намеревался принимать посредничество монарха, который, будучи одновременно ганноверским курфюрстом, являлся теперь активным союзником Швеции. В знак своего недовольства Петр приказал и Джеймсу Джеффрису, служившему послом Англии в России, и Веберу, ганноверскому резиденту, покинуть Санкт-Петербург.

договору, но держаться старых друзей и отворачиваться от друзей ложных. Поэтому я заклинаю своих потомков содержать еще более сильную армию, чем у меня; на том стою и с тем умру».

Пока за спиной царя Георг I и английский кабинет плели дипломатические сети, Петр собирался без затей сокрушить шведов на поле битвы. Карл XII был мертв, переговоры на Аландских островах не привели ни к чему. Значит, следовало напомнить Швеции, что война еще не окончена.

Гвоздем кампании 1719 года должна была стать мощная атака десанта на шведское побережье Ботнического залива. Средства намечались те же, что так помогли при завоевании Финляндии: галерные флотилии для переброски тысяч солдат по мелководью, куда не могли заходить крупные суда. В мае 50-тысячное русское войско выдвинулось с зимних квартир на сборные пункты в Петербурге и Ревеле, чтобы морем переправиться в западную Финляндию, откуда предполагалось напасть на шведов. Верховное командование русским флотом, составленным из 180 галер, 300 плоскодонных ботов и 28 линейных кораблей конвоя, возлагалось на Апраксина. 2 июня сам Петр отплыл из Петербурга в Петергоф и Кронштадт во главе эскадры из 30 галер с 5000 солдат.

Этим же летом флот Петра добился успеха. 4 июня эскадра из семи русских военных кораблей, вышедшая из Ревеля, перехватила в открытом море три небольших шведских корабля. Перед численным и огневым превосходством противника шведские корабли попытались уйти к Скаргарду – архипелагу больших и маленьких островов, прикрывающих шведскую столицу с моря. Но русские корабли их настигли, и после восьмичасового боя все три шведских корабля, включая и 52-пушечный «Вахтмейстер», были захвачены. Возвращение этой эскадры с трофеями в Ревель глубоко порадовало Петра. Вот она, победа в настоящем морском бою, – не то что галерная атака при Гангуте!

30 июня Петр прибыл в Ревель с кронштадтской эскадрой, включавшей самые большие российские военные корабли – 90-пушечный «Гангут», 70-пушечные «Св. Александр», «Нептун» и «Ревель», а также 64-пушечную «Москву». В это время адмирал Норрис вошел в балтийские воды с флотилией из 16 линейных кораблей. Несмотря на опасность, которую таило их присутствие, петровские военные корабли пошли к Швеции 13 июля, а через несколько дней за ними последовали 130 галер с солдатами. 18-го числа вся русская флотилия стала на якорь в Лемланде на Аландских островах, а вечером 21-го вышла в море. Туман и штиль заставили большие суда бросить якорь, но галеры пошли дальше на веслах и под началом Апраксина добрались до первых островов Скаргарда в полдень 22 июля.

Следующие пять недель корабли Апраксина и 30 000 солдат-десантников, прибывших с ними, крушили и опустошали восточное побережье Швеции. Не встречая сопротивления на море, Апраксин разделил свои силы и послал генерал-майора Ласси с 21 галерой и 12 шлюпами вдоль берега на север, а сам повел основные силы на юг. Он высадил казачий корпус для набега на Стокгольм, но их атака была отражена – Скаргард было нелегко преодолеть, его узкие протоки были надежно защищены, а в стокгольмском порту 4 военных корабля и 9 фрегатов не давали русским галерам приблизиться. В своем движении на юг Апраксин опять поделил свои силы на эскадры для действий на побережье – жечь маленькие городки, мануфактуры, чугунолитейные заводы и перехватывать каботажные суда. 4 августа русские корабли на юге дошли до Норчёпинга, а 10-го они были в Норчёпинге, где захватили несколько шведских торговых судов, нагруженных медной рудой с окрестных рудников. Их отправили в Россию. На одном литейном заводе были захвачены 300 пушек, не успевших попасть на вооружение шведской армии, и тоже увезены. 14 августа флот Апраксина повернул на север, по пути подбирая с берега высадившиеся там отряды. Вновь подойдя к Скаргарду, он еще раз попробовал штурмовать столицу, но опять безуспешно. 21 августа 21 русский шлюп и 21 галера преодолели один пролив под тяжелым огнем шведских фортов и кораблей, но затем были отброшены назад.

Тем временем отряд Ласси на севере двигался вдоль берега с теми же разрушительными для шведов последствиями. Он уничтожал фабрики и литейные заводы, склады и мельницы, сжег три города. Войска провели три небольших сражения, два из них

выиграли, в третьем получили отпор – и повернули назад. Захватили много железа, фуража и продовольствия, часть погрузили на корабли, а что не смогли увезти, побросали в море или сожгли. К 29 августа Ласси и Апраксин вернулись на Аландские острова, а 31-го отплыли домой – галеры в Кронштадт, а военные корабли в Ревель.

Осенью, в надежде, что летние уроки пошли шведам впрок, Петр послал Остермана в Стокгольм парламентаром – посмотреть, не склоняются ли шведы к миру. Остерман вернулся к царю с письмом, в котором королева Ульрика предлагала уступить Петру Нарву, Ревель и Эстонию, но все еще требовала назад всю Финляндию и Ливонию. В Стокгольме, доложил Остерман, шведы озлоблены русскими рейдами и не желают говорить о мире, пока казаки кружат в нескольких милях от их столицы. Тем не менее этим летом обозначился удивительный сдвиг в расстановке сил: если десять лет назад Карл XII сражался в тысяче миль от дома, в жаре и пыли украинских степей, то теперь петровские казаки гарцевали на конях в виду шпилей шведской столицы.